

ПАМЯТЬ

Иван
Васильев

— Перебежчица, — хмуро ответил сосед. — Шкура продажная...

Минут через двадцать те же санитары отнесли Шуру в операционную.

...Нарбут проснулась оттого, что почувствовала: кто-то есть рядом. После операции (ей ампутировали пальцы обеих ног) Шуру положили в другую палату — узкую угловую комнату, выходящую единственным окном на внутренний двор. За неделю, прошедшую после ареста, это была первая ночь, когда Шуре удалось несколько часов поспать.

Не открывая глаз, она прислушалась. Кто-то определенно стоял над ней и разглядывал. Вот человек вздохнул и отошел.

— Нет, незнакомая. Но, видно, тоже били...
Голос молодой, женский. Другой, немного насмешливый, с легкой картавинкой, спросил:

— А ты не находишь, Лида, что этот полицейский все-таки странный тип? Такую заботу о нас проявил — отправил в госпиталь!

— Я знаю еще более странные вещи. Но об этом лучше помолчим...

— А тут все-таки получше, чем в бараке, — проговорил опять тот же, с картавинкой, голос. — Хоть на свет божий посмотреть можно. Подойди сюда. Видишь этот сарай, по-моему, за ним проволоки нет.

Шура открыла глаза и увидела две спины у окна. Одна в темном платье, другая в коричневой вельветовой куртке с голубым шарфиком. Девушки обернулись, и она рассмотрела их лица. Та, что в платье, круглолицая, в очках. У другой выпирающие, в синяках, скулы, подбородок с ямочкой, в карих глазах грустное раздумье.

— Здравствуйте, девчата!

— Здравствуй. Тут что, в самом деле госпиталь? — спросила та, которая была в очках. — Прямо удивление, господа фашисты заботятся о здоровье «руссише швайне»!

— Не надо, Нина, — заметила ее подруга. — Ни к чему это.

— Прямо уж! Молчать не собираюсь. Нет, Лида, вот осмотрюсь — и поминай как звали...

Нарбут смотрела на них, и все больше в ней

крепла уверенность, что Лиду она уже видела где-то. Где? Да, по ту сторону фронта.

— Девчата, вам не лишне будет знать: врач — перебежчица.

...Через несколько дней в палате, где поместили девушек, уже не было свободного места. Рядом с Шурой положили высокую белокурую девушку с отмороженными руками. Назвалась она Женей Борисенковой. Внесли раненную в бедро осколками мины Зою Судакову. Потом еще двоих тифозных.

Шли дни. Однажды вечером к Шуре под села Лида. Помолчала и тихо сказала:

— Мы уходим, Шура. Есть два пропуска... Может, не все погибнем... побывай в Пено, скажи маме... — Она замолчала, пересиливая волнение. — А доктор Аксакова совсем не похожа на перебежчицу. И санитар дяди Миши не бойся, он надежный. Обещал нам одежду вынести.

Днем Шура поднялась, держась за стенку, добралась до окна и стала смотреть во двор. Она видела, как дважды прошел в сарай с ведром санитар Михаил Соломанидин. Через некоторое время туда раздетые пробежали Лида с Ниной. А потом она увидела их по ту сторону проволоки. Девушки неторопливо шли по улице, Нина в сером пальто, Лида — в коричневом, драповом, на шее у нее голубенький шарфик. Девушки шли все дальше, дальше и скоро скрылись за углом.

✓ Доктор Аксакова

К официальной справке паспортного стола приложена записка:

«Уважаемый товарищ!

От себя лично и от имени многих граждан города Тихорецка хочу сказать вам, что Анна Ильинична Аксакова — человек чудесной, доброй души и прекрасный врач. Расскажите о ней обязательно.

Паспортистка Мирошниченко».

И еще одно письмо.

«Этого человека, этого народного мстителя, врача Аксакову Анну Ильиничну, я знал с января по сентябрь 1943 года по совместной борьбе в партизанском отряде, действовавшем в глубоком тылу, в Пинских лесах.

Аксакова А. И. меня лечила после моего ранения. Одновременно ходила вместе с группой партизан на выполнение тех разведывательно-диверсионных заданий, которые мы получали с Большой земли.

С уважением, бывший командир партизанского отряда, ныне председатель колхоза «Рассвет» депутат Верховного Совета СССР

К. П. Орловский».

...1 января 1942 года войска 29-й и 31-й армий Калининского фронта овладели городом Старицей и начали развивать наступление на Ржев.

А несколькими днями позже на этом участке фронта из небольшого леса вышли две женщины в шинелях и направились в сторону деревни, занятой гитлеровцами.

Их задержали и направили в штаб. Щеголеватый офицер не торопился задавать вопросы, разглядывал перебежчиц. У старшей на петлицах эмблемы медика. Широкое, тронутое оспой лицо с большими серыми глазами.

— И так, до сих пор мы ловили рядовых советских разведчиц. Сейчас я вижу перед собой фрау капитана. Очень приятно.

В глазах женщины-врача ничего не изменилось. Она медленно перевела на офицера отрешенный взгляд, сказала спокойно:

— Нет, господин капитан, мы не разведчики. У нас нет другого выхода. Быть сосланными в Сибирь не хотим.

— Сейчас вы скажете, что там уже побывали репрессированные Советами ваши родители?

— Нет. Мой отец, казак станицы Тихорецкой, погиб в девятнадцатом году, я его не помню. А у моей медсестры совсем никого нет, воспитывалась в детском доме. — Младшая в знак согласия наклонила го-

лову. — Попад в плен, мы сами пошли на службу к вам. Назад дороги нет.

— Где и когда взяты в плен?

— В октябре под Старицей. 564-й медико-санитарный батальон. Содержались вместе с ранеными в церкви. Это подтвердит доктор Эрнст Мюллер.

Офицер взялся за перо:

— Как зовут?

— Военврач 3-го ранга Аксакова Анна Ильинична. Медицинская сестра Крупнова Анна Мироновна.

...Их отвели в подвал, за окованную железом дверь. Метровые каменные стены не пропускали звуков. Не пропускали они и мороза, и это было спасением, потому что под ногами, на земляном полу, ничего — ни доски, ни пучка соломы. В темноте не рассмотреть, что за люди здесь, сколько их. Слышно чье-то дыхание, хриплые стоны, иногда шепот.

Женщины ощупью нашли свободный угол, опустили на пол вещевые мешки, сели на них. Хорошо, что немцам сейчас не до барахла, оставили белье, кусок мыла на двоих, полбуханки хлеба немецкой выпечки, не разрезанной, а разломанной.

Майор Бахарев предусмотрел даже эту деталь.

— Вы бежали из Старицы перед приходом русских, откуда же у вас может быть хлеб нашей армейской выпечки, — говорил он. — Вы прячетесь несколько дней, ищите немецкие войска, естественно, хотите есть, а ножа нет — значит, хлеб ломаете руками. Дальше, вы давно не мылись — значит, белье на вас грязное, волосы невымытые. В мешки можете положить и белье и мыло, это естественно, успели захватить...

Аксакова вспоминает наставления майора и думает: как он прав! По крайней мере, до сих пор ничто в их внешности и поведении не выдало их. Гитлеровский офицер строил свои умозаключения на «чистой психологии». Его обшаривающему, цепкому взгляду не за что было зацепиться. Удастся ли ему доказать свои подозрения? Не удастся, если... Если Эрнст Мюллер не перестал быть порядочным человеком.

Майор Бахарев говорил на прощанье:

— Вы сделали большое дело — спасли более сотни раненых бойцов. Теперь вам предстоит уберечь от

смерти, от угона в рабство наших армейских разведчиц. Фашисты свирепствуют, хватают без разбора всех гражданских и бросают в лагерь. Попали туда и несколько разведчиц. Нам известно, что они больны, обморожены, нуждаются в медицинской помощи. Ржев скоро будет освобожден, но их жизнь в опасности. Я верю, вы найдете способы уберечь их. До скорой встречи.

Это было всего несколько часов назад. В полночь армейские разведчики провели их до леска и показали направление на деревню. Кажется, рука еще чувствует крепкое пожатие майора.

— Анна Ильинична, — шепчет сестра на ухо, — а вы написали домой? Я успела черкнуть.

— Да, — кивает Аксакова. — Не надо об этом, Аня.

Она не довольна собой. Вспомнила майора Бахарева, его напутствие, а ведь надо начисто все это забыть. Надо вжиться в легенду, думать о том, что ты перебежчица и хочешь служить немцам.

Они потеряли счет времени. Дремали, тесно прижавшись друг к другу. Несколько раз отворялась дверь, кого-то выводили. Тело коченело. Кто-то невидимый топал ногами, чтобы согреться. Рядом два девичьих голоса тихо тянули грустный незнакомый мотив. Только сейчас Аксакова подумала, что эти люди, наверно, остерегаются их, новеньких. Ведь их ввели, а не бросили в подвал, и, конечно, в первый момент при свете нетрудно было рассмотреть, что на них шинели, ушанки, вещевые мешки... Вот оно то, что отныне будет сопровождать каждый их шаг, — отчуждение, презрение, ненависть людей. Им не будут верить те, кого они должны спасти. Не будут, если даже Мюллер окажется порядочным немцем...

Опять этот Мюллер! Майор Бахарев предоставил право самим решать, стоит ли ссылаться на немецкого доктора. Опасность была в том, что Мюллер, конечно, не забыл, как «фрейлейн Анна» уговаривала его перейти к русским, ибо все равно немцев скоро вышвырнут из России и погонят до самого Берлина. Мюллер вежливо выслушивал и молчал. Наверное, он не рассказывал об этих разговорах никому, в противном случае доктора Аксаковой давно бы не было в живых. Это последнее обстоятельство и давало ка-

кую-то надежду: ссылка в крайнем случае на знакомство с Мюллером могла помочь. Но Аксакова решила не ждать крайнего случая, так ей казалось правдоподобнее. Теперь, надо думать, разыскивают доктора Мюллера и наводят справки...

Сколько времени длилось заточение в холодном темном подвале, ни Аксакова, ни Крупнова не могли сказать. Может, сутки, может, двое... Когда наконец отворилась дверь и им велели садиться в машину, резкий свет зимнего дня так ударил в глаза, что казалось, в них вонзились десятки острых игл.

Машина въехала во двор городской тюрьмы. Разведчиц отвели в камеру. На этот раз ненадолго.

По кабинету начальника тюрьмы прохаживался знакомый щеголеватый офицер. В кресле перед столом, откинувшись и прикрыв глаза, сидел пожилой, в мешковатом мундире немецкий врач. Это был Эрнст Мюллер.

Аксакова поздоровалась с подчеркнутой любезностью, но без заискивания:

— Гутен таг, доктор Мюллер!

Мюллер полуобернулся к вошедшим и довольно долго рассматривал их сквозь стекла старомодного пенсне. Лицо его не выразило никаких чувств.

— Здравствуйте, фрейлейн Анна, — наконец произнес он без выражения и что-то быстро по-немецки сказал офицеру.

Допроса не было. Аксакова и Крупнова терялись в догадках. Ясно было одно: их показали Мюллеру. Немецкий врач не выказал прежней любезности, даже не сделал попытки встать, как делал раньше. Это могло означать демонстрацию перед офицером контрразведки, что, мол, он, Мюллер, знает, как вести себя с русскими. Но могло быть и другое, худшее: Мюллер рассказал правду о русском докторе. В последнем случае — конец...

Новый врач лагерного лазарета, которую и раненые и санитары называли «доктор Аксакова», заметно выделялась внешним видом. Чистая, хотя и не новая форма, белоснежная шапочка на голове и такой же чистый халат. Когда она входит в «палату», раненым сдается, будто никакого плена нет, они в полевом госпитале, а это молчаливая, с большими за-

думчивыми глазами женщина — обыкновенный хирург Красной Армии. Ощущение это усиливается еще и тем, что доктор Аксакова очень внимательна. Те, кому удается поймать ее как бы ушедший в себя взгляд, замечают, что глаза ее наполнены невысказанной мучительной думой.

Медсестра Аня Крупнова, когда они остаются вдвоем, предостерегает:

— Анна Ильинична, раненые шепчутся, что никакая вы не перебежчица. На вашем лице можно читать мысли.

Но что может поделаться с собой доктор Аксакова. Оказавшись в лазарете и увидев страдания находившихся здесь людей, она как-то сразу забыла, что надо играть роль. В ней властно заговорило чувство сострадания, желание помочь, облегчить боль. Иногда она вовсе теряла представление, где находится. Казалось, все это происходит там же, в Старице, в медсанбате, с которым ее пленили, а наступление наших войск, штурм города, майор Бахарев — не больше как сон.

И только одно обстоятельство напоминает, зачем она здесь. Это обстоятельство — девушки. Сначала была одна — Шура Нарбут. Потом Нина и Лида. Теперь целая «палата». Она знала, кто они. Но они не знали, кто она, и открыто демонстрировали свою неприязнь.

— Однажды солдат привел четверых. Она должна была оставить в лазарете нуждающихся в лечении. Нуждались трое. Она оставила всех. Четвертой при осмотре шепнула: «Уходите. Вас проведут». И велела пожилому санитару сопроводить ее в лагерь. Санитар по дороге сказал: «Ну, а дальше иди сама. За Волгой найдешь своих».

С того раза санитар дядя Миша Соломанидин стал проявлять заметный интерес к доктору Аксаковой. Он уведомил ее, что полицейский скоро приведет больных девчат и что регистрировать их в общем журнале не обязательно, все-таки это не военнопленные.

— А в один из дней доктора Аксакову вызвали к воротам. Худенький подросток приплясывал на снегу. Увидев ее, заулыбался, словно знакомой.

— Здравствуйте, доктор. Тут моя сестра лежит, в очках она. Позовите, пожалуйста.

— Хорошо, — медленно проговорила она. — Хорошо. Сейчас позову.

Потом она видела, как бросился мальчонка навстречу девушке в очках, стал обнимать, обрадованно выкрикивая что-то, а девушка первую минуту стояла с опущенными руками, растерянная, и только потом вдруг проявила бурную радость.

Доктор поняла все. Сердце радостно встрепенулось: о ней знают!..

Девушка из Торжка

Поиску, как длинной дороге, конец приходит неожиданно.

В одном архивном деле снова попало имя — Нина Трепучкова. Значит, такая разведчица все-таки была!

Еще немного терпения — и передо мной справка: «Трепучкова Нина Сергеевна, 1920 года рождения, русская, находилась в распоряжении разведотдела штаба Калининского фронта, 21 декабря 1942 года была направлена в тыл противника в район города Зубцова. С задания не вернулась. Личное дело Трепучковой Н. С. не сохранилось».

Дальше все оказалось чрезвычайно просто. Вспомнил, как «Студентка» — Нина Степановна Чернышева — в разговоре обронила: «Не помню, по какому случаю, но разговор о Торжке у нас был». «У нас» — это на конспиративной квартире ржевских подпольщиков.

Срочно запрос в Торжок. Паспортный стол ответил: да, Трепучкова Н. С. проживала в нашем городе по Конной улице, 14. Мать ее умерла лет пять назад, отец погиб на финской войне. Дальше удалось выяснить, что Нина работала библиотекарем в Торжковском политехникуме. Недалеко в деревне живет ее дядя, Иван Иванович Глебов.

У дяди сохранились фотографии. Библиотека. Полки с книгами. За столом девушка в халате. Изпод халата виден воротник белого свитера. Коротко